

Владимир ВЕНГЛОВСКИЙ

ХАРДКОР

**Книга вторая
ДЕБАГГЕР**

**МОСКВА
2016**

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В29

Разработка серийного оформления
Владиславы Матвеевой

В оформлении переплета использована работа
художника *Владимира Манюхина*

Венгловский, Владимир Казимирович.
В29 Хардкор. Книга вторая. Дебаггер : [фантастический роман] / Владимир Венгловский. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (LitRPG).

ISBN 978-5-699-90738-0

Нет груза тяжелее, чем вина... Ретурнеру Игорю Ламберту, который возвращает к жизни людей, чье сознание «зависло» в виртуальном мире онлайн-игры, кажется, что с ним покончено, но визит наглого миллионера все меняет. Шантаж и угрозы оказываются действеннее вознаграждения, и ретурнер снова готов применить свои таланты. В лицензионной игре больше не безопасно — игроки «виснут». Пространство Чендлера наступает, порождая новых чудовищ. Встреча со старым врагом из стертого Хвергельмира только множит вопросы. Кто дергает за ниточки? Чья маска приросла к лицу? Как вырваться из трясины цифровых воспоминаний?

Неужели ретурнер тоже «завис»?..

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90738-0

© Венгловский В., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

ТЪМА И ПАУКИ

Кто измерит мой путь, кто изменит мой рок,
Что начертан мне древним холодным мечом.
Я блуждаю всю жизнь в лабиринте дорог
И ношу смерть за правым плечом.
Каждый день — новый бой,
Каждый день — старый страх,
И с тропинки судьбы не свернуть.
Но я вернусь домой — в старый замок в горах,
Когда будет окончен мой путь.

Тэм Гринхилл «Ведьмак»

— Добрый сэр, купите бубенчик!

Шут напоминал старую потрепанную ворону, на которую детишки ради смеха напялили гуттаперчевый костюм. Бубенец, такой же потертый, как и колпак, с которого его срезали, дрожал вместе с протянутой ладонью — того и гляди скатится, упадет со звоном на грязный пол харчевни.

— Прочь, попрошайка, — процедил сквозь зубы воин.

В знойный полдень в «Кабаньей голове» собралось немало посетителей, которые не прочь выпить, закусить и подраться: фермеры сбились в шумную стаю и громко сетовали на неурожай сладких бобов; наемники, словно псы-пастухи, держались разрозненными группами, лениво потягивали пиво и ожидали денежных заказов. Но эту пару искателей приключений — воина и волшебника, сидящих за соседним столом, я выделил

сразу. Устал замечать на себе их пристальные взгляды.

Правую щеку воина разрезал шрам, который спускался со лба через глазницу, перевязанную черной повязкой, искривлял губы, отчего казалось, что на обветренном лице застыла кривая усмешка. Воин глянул на остановившегося возле него шута целым глазом и достал из-за пояса изогнутый нож. Лезвие блеснуло тусклым отраженным светом ламп.

Шут попятился, натолкнулся на волшебника, который сосредоточенно отмерял на столе холмики серого порошка. Тот щелкнул пальцами, походя, не отвлекаясь, и один из хвостов шутовского колпака вспыхнул искрами. Шут сорвал головной убор и принялся тушить пламя, подпрыгивая, обжигаясь и причитая себе под нос.

Ухмылка воина искривилась сильнее. Он опустил левую руку на стол и начал стучать острием ножа между пальцами, все быстрее и быстрее. Посуда на столе задрожала. Волшебник неодобрительно зыркнул на своего соседа из-под густых бровей.

Я взял стакан с водой и выплеснул на горящий шутовской колпак.

— Спасибо, добрый сэр. — Шут заискивающе улыбнулся, возвращая колпак на голову. По его лбу и щекам заструилась вода. — Купите бубенчик.

Каким-то чудом бубенец вновь появился на его ладони.

— Сядь. — Я отодвинул стул, ноги шута подломились, как у кузнечика, и он опустился за мой стол.

— Купите...

— Молчи!

Я не понимал, почему этот оборванец занимает мое внимание. Потом сообразил — глаза. Они у шута были настолько небесно-голубыми, что такого цвета просто не могло существовать в природе. В нем смешалась бескрайняя синева неба и нагретого солнцем моря, казалось, что если долго смотреть в эти глаза, то увидишь проплывающие облака и белую морскую пену, среди которой резвятся дельфины. Но я увидел только свое отражение. Как в зеркале. Помотал головой — почувдится же такое — и отвел взгляд.

Аромат жарящегося мяса и лука пропитывал воздух харчевни. Терпкий дым благовоний, которым хозяин пытался скрыть обычный смрад, поднимался к потолку, где возле ламп среди стайки бабочек кружила маленькая фея. Пышнотелая официантка с бюстом такого размера, что шнуровка, стягивающая блузку на груди, казалось, вот-вот лопнет, лавировала между посетителями.

«Дай пройти, здоровяк!»

«Прочь руки, малец! Или давно не общался с Бугаем?»

Вышибала дремал у входа, подпирая щеку дубинкой.

— Ты здешний? — спросил я у шута, протягивая ему лист бумаги. — Знаешь этого?

Шут бросил взгляд на портрет, под которым была указана королевская награда.

— Старик пообещал хорошие деньги за голову, — сказал он. — Если никто, конечно, не пририсовал лишнюю пару нулей.

Бубенец лег на стол, шут, подслеповато щурясь, поднес лист к лицу и в задумчивости принялся жевать обгоревший хвост колпака. Я видел по его глазам: знает, шельма, кто изображен на портрете. Думает, как подороже продать информацию. Только я тоже был уверен в своих подозрениях, оставалось лишь убедиться.

Стук ножа начинал раздражать. Бубенец пополз к краю стола, вспугнув притаившегося возле сливовой косточки паука. Волшебник нагнулся и с помощью бамбуковой палочки втянул в нос одну из кучек порошка.

— Ну? — снова спросил я. — Знаешь или нет?

— Так бы и сказал, что охотник за головами, — проговорил шут. — Далек от столицы забрался. Нечасто в нашей глуши встретишь таких, как ты. — Он вернул мне лист. — Это портрет Хозяина пауков.

Волшебник счастливо вздохнул и откинулся на спинку стула. Бубенец балансировал на краю обрыва. Шут неожиданно схватил со стола паука и сдул на пол.

— Орешек может оказаться тебе не по зубам, — сказал он.

— Посмотрим, — улыбнулся я и катнул по столу серебряный талер.

Шут поймал его в подставленную ладонь. Бубенец свалился на пол. «Дзынь!» — словно лязг металла посреди битвы или звон будильника по утрам, заставляющий проснуться.

Чужое, но одновременно знакомое слово «будильник» будто всплыло из прошлого. Я лихорадочно закатал левый рукав. Задел стакан, опрокинул, разливая остатки воды. На моей руке от кисти до локтя было вытатуировано имя: «Игорь Ламберт».

Я вспомнил себя.

* * *

Комнату затягивал полумрак, словно сети. Террариумы и садки с пауками стояли везде: на книжных полках и этажерке, на полу, укрытые в тени, и на подоконнике, поближе к свету. Восемипалые пленники жили собственной жизнью. Одни нехотя ощупывали стекло, другие сидели в засаде, третьи жрали сверчков. Огромный крестовик задергался в центре паутины, пытаясь напугать меня и хозяйку квартиры.

В этом обилии живности я не сразу обратил внимание на паренька, утонувшего в кресле перед письменным столом. К его руке спускались трубки капельницы. На столе стоял куб квантового компьютера, несколько садков с пауками и лежала вторая, нераспакованная, система внутривенного питания. На полу возле кресла примостился вскрытый пакет памперсов. Голова парня была запрокинута на спинку кресла, лоб стягивал

обруч нейроинтерфейса. Из уголка тонких губ стекала струйка слюны.

— Хорошо, что догадались подключить к системе, — сказал я, делая шаг вперед.

Хозяйка рванулась наперерез и поспешила спрятать за креслом памперсы.

— Это соседка. Прибежала сразу, когда... Когда, в общем, Сашуля...

— Сколько дней прошло?

— Два.

— Заявку подали в официальную службу?

— Да, сразу подала, как только Сашуля... завис.

В террариуме с табличкой «*Pterinochilus muginus*», стоящем возле «квантума», из-под перевернутого глиняного черепка выполз большой паук-птицеед, сделал круг почета и снова скрылся в своем логове.

— И что они? — спросил я.

— Очередь, — ответила хозяйка. — Сказали ждать.

Вновь возникла пауза, наполненная шорохом пауков.

— Эля... Эльвира Макарова дала ваш телефон, сказала... что вы лучший.

Знать бы еще, кто такая эта Эльвира. Впрочем, нет никакой разницы. Как бы я ни желал спрятаться, меня находят. Через старых знакомых, благодарных за спасение своих детей и супругов. Через совсем незнакомых людей, которые каким-то образом добыли мой телефон. «Вы же лучший частный ретурнер».

— Я перечислю деньги сразу, как только...

В ее глазах были страх и надежда.

— Стул есть?

— Что?

— Стул, говорю, нужен. Для меня. Простите. — Я выудил из-за кресла пакет и достал памперс. — Туалет у вас где?

— Там, — неопределенно махнула хозяйка рукой. — Прямо по коридору.

Через несколько минут я вернулся и обнаружил у стола старый деревянный стул. Распаковал капельницу, укрепил на стойке. Проверил, не ползают ли по стулу пауки, сел и опустил руку на свободный подлокотник кресла, достал ремень.

— Помогите затянуть.

— Да, сейчас.

— Вы не медсестра? Колоть умеете?

— Нет, — замотала головой хозяйка.

— Придется самому.

В воздухе запахло спиртом. Я погрузил иглу в вену, по трубке побежал питательный раствор. Ретурнер никогда не знает, когда вернется. Хорошо, если спасение займет час или два, но вдруг оно растянется на много дней? Те, кто подключается без питательной системы, рассчитанной на продолжительное время, рискуют умереть от истощения.

Парень дернулся и шумно задышал. Я достал заполненную хозяйкой анкету и обновил в памяти информацию. Александр Палий. Десятый класс средней школы. Друзей нет. Девушки тоже нет. Учится средне, иногда хорошо, если старает-

ся. В последнее время пропадает в играх. Хобби... Я окинул взглядом комнату. Ясно, какое хобби.

— С пауками разговаривает? — спросил я.

— Что? — вздрогнула хозяйка. — Н-не знаю. Да, разговаривает. Я подслушивала.

— Отца нет?

— Нет. Вернее, есть, но он не с нами. Живет с другой.

— Ясно.

— Почему? Почему он ушел? — Я не сразу понял, что имелся в виду сын, а не муж. — Я же все делала. Ни в чем ему не отказывала. И пауки эти проклятые...

— Кто знает, — пожал я плечами.

Уходят в пространство Чендлера все — и счастливые, и несчастливые, успешные и не очень. Уходят одинокие, всеми забытые, и добропорядочные семьянины. Ради развлечения и с научным интересом. С желанием просто посмотреть или навсегда остаться в виртуальном мире. Но мало кто понимает, что происходит в пространстве Чендлера, а потом становится поздно — игра поглощает сознания игроков.

«Я только на минутку, одним глазком загляну, что это такое».

«В жизни надо попробовать все».

Глушцы.

Квантовые компьютеры завладели нашей жизнью. Присоски нейроинтерфейсов, транслирующих информацию напрямую в мозг, присасываются к вискам, как пиявки. Мир квантовой сети позволяет играть в многопользовательские игры с

полным погружением в виртуальность — все, казалось бы, хорошо, если бы не эффект «ложного зависания».

Иногда передаваемые по сети кубиты квантовой информации не доходят до места назначения, остаются в пространстве Чендлера. По одной из версий — это область квантовой деформации вокруг нашей планеты. По другой — ее связывают с теорией гравитации. Научные споры ведутся до сих пор, и это нескончаемое поле для исследований и ежегодных Нобелевских премий.

В пространстве Чендлера научились хранить данные. Но вскоре оказалось, что записанные в нем игры владевают сознаниями игроков.

Поначалу — одиночные случаи. Позже — лавинообразная волна зависаний. Игроки забывают, кто они и откуда. Вымышленные имена и биографии заменяют им настоящие. Игра становится реальностью. Если ты видишь цифровые характеристики и отлетающий от противников урон — значит, ты еще контролируешь себя. Но если ощущаешь в руке холод оружия, если кровь — твоя и врагов — реальна, значит, тебя поглотило пространство Чендлера.

Нет игрового меню, нет индикаторов жизни, нет надписи со словом «Выход».

Сорви с головы зависшего игрока нейроинтерфейс, разъедини сеть — и человек навсегда останется сумасшедшим.

Вчера в метро.

«Бехолдера на меня гоните! Сюда, глазастая тварь! Где мой меч?»

Спускающийся по эскалатору бородач не замечал ведущей его под руку женщины.

«Тише, Коленька».

У нее худое лицо и синяки под глазами. Она живет надеждой, что Коленька когда-нибудь вернется из воображаемого мира. Но игра навсегда осталась в его голове.

Прежде чем отключить от квантовой сети зависшего игрока, он должен вспомнить себя и понять, что находится в игре. Тогда он вернется в реальность в здравом рассудке... чтобы в скором времени уйти вновь. Пространство Чендлера притягивает, как наркотик наркомана со стажем. Некоторые удержатся. Некоторые — снова уйдут. Тут уж пятьдесят на пятьдесят, как повезет. Одного типа я возвращал трижды. После третьего раза, лишенный «квантума», он выбил собой окно на девятом этаже.

Игры в пространстве Чендлера запрещены. Программисты, создающие их, — вне закона. Но старые игры не сотрешь вместе с зависшими в них людьми, можно лишь пытаться ограничить доступ и вытягивать из них игроков.

«Отпусти, козел! Не хочу! Я не хочу возвращаться туда! Зачем ты заставил меня вспомнить?!»

Услуги хакеров-проводников покупаются и продаются, пусть это и изрядно стоит. В виртуальность навсегда уходят все новые и новые игроки.

Ретурнеров из официальной службы на всех не хватает. Слишком мало людей, не чувствительных к пространству Чендлера. Полностью иммун-

ных не существует, у каждого лишь свой порог зависания. Кто-то из ретурнеров может продержаться в пространстве Чендлера день, кто-то помнит себя целую неделю.

Я подержал на ладони квантовый чип памяти с программой-проводником — он достался мне от Джонни бесплатно, по старой дружбе.

— Что бы ни случилось — не трогайте ни меня, ни сына, — сказал я.

Вставил чип в «квантум», надел на голову нейроинтерфейс, и меня поглотила виртуальность.

* * *

Когда я пришел в себя, шута за столом не было. Хлопнула входная дверь, и мне показалось, что в проеме мелькнула пестрая шутовская одежда. На столе лежал забытый бубенчик. Я схватил его и побежал к выходу, расталкивая посетителей. Официантка едва не выронила задевший локтем поднос с посудой.

Я выскочил из харчевни. Ветер складывал замысловатые узоры из пыли на опустевшей дороге. Шут пропал. Справа от входа на земле сидел слепой в рваных лохмотьях. В его подставленной для милостыни шляпе среди нескольких медяков блеснул серебряный талер. Кто-то, одетый в шутовской костюм, разбрасывается целым состоянием?

— Господин, тебе нужны свежие слухи? — прокаркал слепой, поднимая на меня невидящий взгляд молочно-белых глаз.